

Старый особняк семьи Чжао находился на окраине города, в тихом, тихом районе. Этому дому было уже несколько десятков лет — настоящий осколок ушедшей эпохи.

В прошлой жизни Юань Шан вырос в этих стенах, зная здесь каждое дерево и каждую травинку. Вместе с Юй Шуимяо он пробрался к задней калитке сада и уверенно отпер маленьким ключом неприметную дверь, густо заросшую диким виноградом.

— Не знаю, отключили ли тут электричество, — негромко заговорил Юань Шан, раздвигая густые листья на кирпичной стене. — У парадного входа стоят камеры, а про эту калитку никто не знает. Когда я жил отдельно и лишь изредка приезжал сюда, то всегда оставлял ключ в тайнике, чтобы не потерять.

Убедившись, что на двери нет полицейских печатей, он облегченно улыбнулся и повернул ключ. Стоило створке поддаться, как в лицо ударил тяжелый, застоявшийся воздух.

— Заходи, заходи, — юркнув внутрь, он поманил за собой Юй Шуимяо.

Оглядев запыленный холл, Юань Шан тихо вздохнул:

— Больше года здесь не был... как только здоровье начало подводить. Эх, без хозяина дом быстро дряхлеет.

Он не преувеличивал. Двухэтажный особняк действительно выглядел заброшенным. И планировка, и отделка дышали благородной стариной, но обилие книг и картин создавало то особое, неуловимое ощущение уюта, которое бывает только в домах потомственной интеллигенции.

Юй Шуимяо с любопытством осматривался. Его взгляд скользнул по огромному, во всю стену, книжному шкафу и замер на небольшом алтарном столике у входа. Юань Шан уже спешил туда. Он бережно взял две рамки с фотографиями и рукавом стер с них тонкий слой пыли. Собственно, ради этого он сюда и шел.

Прижав к груди портреты родителей, он счастливо улыбнулся и спросил у друга:

— Когда дом выставят на торги?

Юань Шан оставался последним в роду. Наследников у него не было, поэтому после его смерти особняк перешел в собственность государства. По закону имущество подлежало описи, после чего недвижимость должны были пустить с молотка.

— Говорят, не раньше мая или июня следующего года, — ответил Юй Шуимяо. Он давно навел справки, зная, как дорога другу эта усадьба, но все же не мог скрыть беспокойства. — Ты действительно хочешь выкупить ее? Но ведь Жэнь Пиншэн тоже знает об этом доме. Не

боишься, что он что-то заподозрит?

— Боюсь его? — Юань Шан бережно убрал фотографии в сумку и усмехнулся. — И что он мне сделает? Ты фантастики пересмотрел, Да Юй.

Юй Шуимяо подумал и согласился. Если бы Юань Шан сам не явился к нему, он бы в жизни не поверил в переселение душ.

Успокоившись, он добавил:

— Но учти, оценят дом недешево. Хотя район и глухой, внутри полно ценных книг, да и рояль у тебя дорогой. Меньше чем за десять миллионов юаней его не отдадут.

Речь шла о рояле марки «Стейнвей», стоявшем в углу гостиной. Модель не самая роскошная, но миллиона полтора-два она стоила. Инструмент верой и правдой служил семье Чжао два поколения, и его черный лак до сих пор благородно сиял в полумраке. Называя скромную сумму в десять миллионов за огромный особняк со всей обстановкой, Юй Шуимяо лишь пытался подбодрить друга, у которого сейчас каждая копейка была на счету.

Юань Шан лишь загадочно улыбнулся в ответ. Он подошел к стене, что-то покрутил, нажал — раздался глухой щелчок, и тяжелый книжный шкаф плавно отъехал в сторону.

За ним, вместо глухой кирпичной кладки, открылась узкая потайная комната.

Юй Шуимяо застыл, вытаращив глаза:

— Что за чертовщина?!

В доме, где они все детство играли в прятки, была секретная комната? Что это, шпионский боевик?!

— Я так и думал, что оценщики сюда не доберутся, — усмехнулся Юань Шан. Пыль лежала ровным слоем, здесь явно никто не бывал. Он включил фонарик на телефоне, провел пальцем по нефритовому жезлу жуи на полке и пояснил: — Удивлен? Я сам обалдел, когда впервые ее нашел. Зато сразу понял, куда вечно пропадали вещи, которые родители якобы «прятали». Отец рассказывал, что строил эту комнату как кабинет, но она вышла такой незаметной, что они решили складывать сюда все ценное — от греха подальше. Тут отцовский антиквариат, мамы украшения, редкие инструменты...

Он присел на корточки, с усилием вытащил из-под стеллажа тяжелый деревянный футляр, откинул крышку и бережно достал старинную скрипку.

Юй Шуимяо направил луч света на друга. Тонкие, бледные пальцы Юань Шана нежно ласкали красно-коричневую лакированную деку. Наконец Юй Шуимяо пришел в себя и огляделся. На полках выстроились фарфоровые вазы и нефритовые статуэтки. Хотя он и не разбирался в искусстве, даже дураку было ясно: эти вещи стоят целое состояние. Память о скромных и тихих дядюшке и тетюшке Чжао мгновенно наполнилась в его глазах глубоким уважением.

— Так что не переживай за меня, — Юань Шан аккуратно уложил скрипку на бархатную подкладку, захлопнул футляр и закинул ремень на плечо. — Если дом оценят в десять миллионов, я только рад буду выкупить его за эти деньги. Считай это платой государству за хранение и переоформление документов. До конца весны время есть, я успею заработать. А если не хватит — одолжу у тебя. Эх, без ухода лак на скрипке совсем разохся, того и гляди треснет.

Юань Шан вернулся в квартиру. Он бережно расставил портреты родителей в своей комнате, положил перед ними свежие фрукты, затем долго и кропотливо очищал скрипку специальным маслом и канифолью. И все же на душе у него оставался тяжелый осадок.

Укрывшись пледом, он растянулся на диване и бесцельно смотрел на огни ночного города за окном. Тётушка Лю и тётушка Ю решили, что парень просто вымотался на работе, и тихонько шушукались на кухне, обсуждая, какой питательный бульон ему приготовить.

Когда Цинь Хо переступил порог, он сразу почувствовал, что атмосфера в доме изменилась.

Он заглянул в гостиную и увидел неподвижно лежащего Юань Шана. Какое-то седьмое чувство подсказывало: тот глубоко расстроен.

«Неужели этот парень тоже умеет грустить?» — удивился Цинь Хо.

В его глазах Юань Шан всегда был неиссякаемым источником жизнелюбия и оптимизма. Что же должно было случиться, чтобы он так пал духом?

Цинь Хо терялся в догадках. На кухне все шло своим чередом, тётушки вели себя как обычно. Он ушел в спальню, оставил портфель, вернулся налить воды — словом, прошелся туда-сюда несколько раз, пока наконец не выдержал и не подошел ближе.

Юань Шан, погруженный в воспоминания, вздрогнул, услышав над головой негромкий, слегка хриловатый голос:

— Что-то случилось?

Он резко сел. Перед ним стоял Цинь Хо. Тот держал в руках стакан с водой, наполовину

закрывавший лицо, но в его обычно холодных глазах читалось искреннее беспокойство. За все время их совместного проживания хозяин квартиры впервые заговорил с ним сам, да еще и выразил заботу. Юань Шан даже немного растерялся. Он всегда гордился умением держать лицо — вон, даже проникательные тётушки ничего не заметили, а Цинь Хо раскусил его с ходу. На душе у него потеплело.

— Председатель Цинь, — повинуясь этому неожиданному порыву душевной близости, Юань Шан задал довольно личный вопрос. — Вы... когда-нибудь скучаете по родителям?

Цинь Хо опешил. Но, к собственному удивлению, не почувствовал себя задетым. Вспомнив сиротское детство юноши, он все понял. Возможно, сработала солидарность одиноких душ, а может, он и сам слишком долго носил все в себе и втайне жаждал выговориться. Цинь Хо немного помедлил, но уходить не стал. Вместо этого он подошел к соседнему креслу и сел, грея ладони о теплый стакан.

— Да, — негромко ответил он.

Это простое, тихое слово в один миг разрушило невидимую стену, которая так долго стояла между ними. Когда тётушка Ю выглянула из кухни, она едва не выронила полотенце. Неужели эти двое мирно беседуют в гостиной?

Говорил в основном Юань Шан, а Цинь Хо молча слушал, но атмосфера между ними была на удивление теплой и непринужденной. Сколько лет тётушка Ю работала в этом доме, но еще ни разу не видела хозяина в такой расслабленной позе. Его вечно напряженные плечи опустились, а суровый взгляд смягчился.

Казалось, сам воздух в квартире стал теплее.

Тётушка Ю с улыбкой поспешила обратно на кухню и столкнулась в дверях с тётушкой Лю, державшей горячее рагу. Сделав круглые глаза, она прижала палец к губам:

— Тсс!

Тётушка Лю заглянула в щелку и тоже изумленно округлила глаза. Прикрыв рот ладонями, чтобы не рассмеяться от радости, женщины на цыпочках вернулись к плите.

Море огней, бурлящая толпа — у концертного зала движение практически встало. Сунь Ханцин прильнул к стеклу автомобиля, разглядывая забитые до отказа тротуары, и покачал головой:

— Слышал, организаторы премии Хуадянь пригласили корейский бой-бэнд RNB. Ты только посмотри, сколько фанаток притащилось! У них там крыша поехала? Звать иностранцев на

нашу национальную премию, да еще и награды им раздавать.

Песня «Погоня» была номинирована на звание «Лучшего сингла года» на музыкальной премии Хуадянь. Пожалуй, это был один из немногих выживших отечественных конкурсов, который еще сохранял хоть какой-то престиж. В последнее время Юань Шан был по уши занят подготовкой нового альбома, но все же выкроил вечер ради этой церемонии. В прошлой жизни свою первую серьезную награду за лучший альбом он получил именно здесь.

В те годы премия Хуадянь гремела на всю Азию. У красной дорожки дежурили сотни зарубежных журналистов, критерии отбора были жесточайшими, а сцена принадлежала исключительно китайским исполнителям. Теперь же статус некогда главного музыкального события страны заметно пошатнулся. Дошло до того, что главным козырем пиар-кампании этого года стало приглашение модных зарубежных звезд.

Снаружи царил суматоха: фанаты сновали туда-сюда с транспарантами, повсюду ярко горели неоновые буквы «RNB». Взгляд Юань Шана зацепился за пухленькую девчушку, которая из всех сил держала светящуюся табличку с его именем. Его глаза потеплели, но в голосе прозвучала горечь:

— Что поделаешь. Шоу-бизнес всегда принимает удар культурной экспансии первым.

Сунь Ханцин лишь уныло вздохнул. И ведь не поспоришь. Творческий застой, агрессивный пиар, завышенные гонорары бездарных актеров — отечественная индустрия развлечений медленно, но верно загнивала. За красивым фасадом, раздутым благодаря интернету, скрывались пустые обещания и дешевый хайп. Настоящее искусство никого не интересовало, бал правила реклама. И пока местные продюсеры лениво пилили бюджеты, корейская, японская и западная поп-культура стремительно завоевывали умы молодежи.

Машина резко дернулась и остановилась. К стеклу подошел охранник в униформе и настойчиво постучал.

Сунь Ханцин приоткрыл окно:

— В чем дело?

— Извините, — обернулся к ним водитель. — Говорят, там сзади важный кортеж опаздывает. Нас просят прижаться к обочине и пропустить их вперед.

Время появления на красной дорожке всегда жестко регламентировалось статусом звезд. Опоздать на церемонию, да еще и требовать, чтобы другие участники уступали дорогу — верх наглости. Сунь Ханцин сквозь зубы выругался, но Юань Шан, понимая, что его нынешний статус новичка не позволяет устраивать скандалы, молча кивнул водителю. Лимузин послушно съехал в сторону.

Роскошная кавалькада представительских авто пафосно подкатила к самому входу. Стоило машинам остановиться, как толпа фанаток взорвалась оглушительным визгом. Заученные кричалки на корейском волной прокатились по площади. Когда две главные звезды бой-бэнда RNB с надменным видом вышли из салона, децибелы зашкалили.

— Оппа!!! Я люблю тебя!!!

— Оппа, посмотри сюда!!!

— Оппа, ты лучший!!!

Идолы лишь поморщились от шума, небрежно махнули рукой в сторону фанатов и поспешили к дверям. Ступивший следом на ковровую дорожку Цзян Се не сдержал брезгливой гримасы:

— Тьфу, дешевые понты.

Шедший рядом Жэнь Пиншэн бросил на него предостерегающий взгляд:

— Придержи язык. Кругом люди, пресса. Следи за словами.

Сам он тут же расплылся в благожелательной улыбке. Ни один мускул на его лице не выдал унижения от того, что заслуженному мэтру эстрады пришлось стоять в очереди за какими-то заносчивыми юнцами. Жэнь Пиншэн уверенно заговорил на безупречном английском:

— Рад вас видеть! Давно не встречались.

Корейские звезды, несмотря на свою заносчивость, не решились проигнорировать известного китайского ветерана сцены. А любезный переход Жэнь Пиншэна на их рабочий язык окончательно растопил лед. Беседа потекла легко и непринужденно. Вспышки фотокамер защелкали с удвоенной силой, запечатлевая этот «интернациональный триумф» и затмевая всех остальных гостей.

Цзян Се, заметив кислые мины корейских менеджеров, стоять рядом не захотел. Он не обладал гибким хребтом Жэнь Пиншэна, а потому просто отошел в сторону. Когда он впервые узнал, что его песня «Прекрасное лето» номинирована на премию за лучший сингл, его распирало от гордости. Пусть даже лавры пришлось бы делить с соавторами, само приглашение на такое статусное мероприятие казалось сказкой.

Но реальность быстро остудила его пыл. Мало того что в номинации против него выступал неоспоримый хит «Погоня», так еще и Жэнь Пиншэн откровенно заискивал перед заезжими айдолами ради лишнего упоминания в прессе. Смотреть на это было тошно.

Вдруг гул голосов на площади взлетел на какую-то немыслимую высоту. Праздно болтающие артисты невольно обернулись к подъехавшему черному минивэну. Из открывшейся двери скользнул человек, от которого словно исходило сияние.

Конечно, это было лишь иллюзией, но Цзян Се на секунду показалось, будто все прожекторы площади сошлись в одной точке. На фоне этого незнакомца холеные корейские мальчики из RNB показались блеклыми и напыщенными. Объективы камер синхронно развернулись в сторону новоприбывшего. Над толпой пронесся слаженный, громоподобный рев:

— Юань Шан! Юань Шан!!!

— А-а-а! Юань Шан!

— Какой же ты красивый!

— Юань Шан, вперед! Мы любим тебя!

Для сегодняшнего выхода Юань Шан выбрал костюм от бренда высокой моды, с которым недавно начал сотрудничество. Безупречный крой подчеркивал его высокую, атлетичную фигуру. Тщательно уложенные волосы и строгие аксессуары добавляли образу зрелого благородства. Фанаты, привыкшие к отретушированным журнальным снимкам, думали, что готовы к встрече вживую, но реальность превзошла все ожидания. Статная осанка в сочетании с аристократическими чертами лица буквально лишали дара речи.

Юань Шан снял солнцезащитные очки, протянул их Сунь Ханцину и изящным движением застегнул верхнюю пуговицу пиджака. Одарив толпу ослепительной улыбкой, он приветливо помахал рукой:

— Не мерзните здесь! Спасибо, что пришли, и будьте аккуратнее, не толкайтесь!

Толпа взывала от восторга:

— А-а-а-а!

— Юань Шан, ты такой заботливый!

Девочки-фанатки были тронуты до слез. Даже поклонницы корейцев, стоявшие неподалеку, притихли, заворуженно глядя на китайского певца. На их лицах отразилось смутное замешательство: их собственные кумиры вели себя с ними подчеркнуто холодно и высокомерно, тогда как этот парень общался с фанатами как с близкими друзьями.

Юань Шан еще раз вежливо поклонился публике и только после этого направился к дверям,

бросая прощальные взгляды на беснующиеся трибуны. Проходя мимо Жэнь Пиншэна и участников RNB, он даже не повернул головы — прошествовал мимо, словно перед ним было пустое место.

Цзян Се, наблюдавший за этой сценой, почувствовал себя так, словно ему прилюдно отвесили пощечину. Стало невыносимо стыдно за их собственное заискивание.

Помощник Му, следовавший по пятам за Цинь Хо, только что закончившим вежливую беседу с другими спонсорами премии, украдкой заглянул в телефон. Как он и ожидал, в соцсетях уже полыхало.

Восемь из десяти горячих новостей с красной дорожки пестрели фотографиями улыбающегося Жэнь Пиншэна рядом с корейцами из RNB. Фанаты с обеих сторон сцепились в яростной словесной перепалке. Одни обвиняли мэтров в бесстыдном хайпе на чужой славе, другие брызгали слюной, доказывая величие своего кумира. Поклонники Жэнь Пиншэна упирали на его былые заслуги и авторитет, а фанатки RNB безжалостно крыли их цифрами продаж альбомов и международными контрактами.

В этой битве китайская сторона терпела сокрушительное поражение. Помощник Му тихо вздохнул: грустно признавать, но в огромной стране не нашлось ни одного исполнителя, способного на равных конкурировать с заезжими айдолами.

Группа компаний Четыре Моря изначально выступала против включения иностранных артистов в номинации премии Хуадянь. Однако на совете инвесторов их голос потонул в общем хоре: большинство проголосовало «за». Аргументы организаторов были банальны: престиж премии падает, просмотры катятся на дно, и без громких скандалов и зарубежных звезд шоу просто загнется.

Помощник Му не сомневался: босс разделяет его недовольство. Иначе с чего бы ему, едва закончив официальную часть, забиться в самый дальний угол и уткнуться в книгу?

Серьезный вид читающего председателя вызывал у Му глубочайшее уважение. Он даже мысленно дал себе затрещину: пока он сам в свободное время зависает по барам, его начальник занимается саморазвитием! Вот она, разница между успешным лидером и простым клерком. Жажда знаний! Судя по сосредоточенному лицу босса, это наверняка какой-то самый сложный экономический трактат или философский труд. Помощник Му даже подумал, не попросить ли у шефа список литературы для самообразования, когда тот будет в хорошем расположении духа.

Пока он предавался этим благочестивым мыслям, из полумрака коридора раздался знакомый, насмешливый голос:

— А я вас обыскался. Вот вы где спрятались.

Му обернулся и увидел Юань Шана. Тот стоял, небрежно засунув руку в карман брюк, и тепло улыбался. Помощник Му впервые видел его при полном параде. В тусклом свете кулуаров дорогой костюм сидел на нем как влитой, подчеркивая безупречную осанку. Ослепленный этим великолепием, Му уже собрался было вежливо поздороваться и намекнуть, что сейчас находится при исполнении и не может болтать, как вдруг заговорил его босс.

Голос Цинь Хо прозвучал на удивление мягко:

— Отличный костюм. Тебе идет.

Помощник Му застыл, лихорадочно соображая, не начались ли у него слуховые галлюцинации. Его взгляд невольно опустился на обложку книги, которую босс только что отложил на стул.

Яркими буквами там было выведено: «Сто способов сделать жизнь милой».

Помощник Му: «...»

При виде Юань Шана глаза Цинь Хо заметно потеплели. Вечная, искренняя улыбка юноши словно разогнала тени в его душе, копившиеся весь этот бесконечный вечер. Он протянул руку для короткого приветствия. Пальцы Юань Шана были теплыми, их мимолетное прикосновение оставило легкое, щекочущее ощущение на ладони.

— Спасибо, — Юань Шан кивнул на стул. — Читаешь?

Во время недавнего разговора дома Юань Шан упомянул, что родители с детства приучали его читать легкие, добрые книги. Цинь Хо тогда промолчал, но, как оказалось, втихаря обзавелся подобной литературой.

— Да так, попалась под руку, — с самым серьезным видом соврал Цинь Хо, слегка насупившись.

Юань Шан уловил легкое смущение за маской напускного безразличия. В этот момент суровый и неприступный генеральный директор показался ему невероятно трогательным — и это при его-то внушительном росте! Лед окончательно растаял. Поняв, что до начала церемонии остались считанные минуты, Юань Шан заговорщически похлопал босса по плечу:

— Ладно, читай-читай, не буду отвлекать. Увидимся в зале.

Он легко развернулся и пошел к выходу, по-свойски закинув руку на плечо шедшего рядом Сунь Ханцина. По пути он успел весело перемигнуться и обменяться парой любезностей с проходящей мимо симпатичной певицей.

Цинь Хо проводил взглядом его удаляющуюся фигуру. Стоило Юань Шану раствориться в толпе, весело болтая с коллегами, как нахлынувшая было радость мгновенно испарилась. Он сжал кулак, все еще чувствуя тепло чужой ладони на своем плече. Внутри шевельнулось странное, необъяснимое чувство.

«Как это работает с точки зрения физики? Разность потенциалов?» — хмуро подумал он.

Он опустил взгляд на раскрытую страницу. Первая строчка в оглавлении гласила: «Шаг первый: найдите того, с кем вам действительно приятно общаться».

В зале погас свет. Грянул шквал аплодисментов. Ведущий со сцены торжественно объявил выступление группы RNB.

Тяжелые басы и электронные биты заполнили пространство. Зазвучали знакомые аккорды их главного азиатского хита — песни «Полёт». Дерзкий, динамичный, ультрасовременный трек сочетал в себе все, что так любило нынешнее поколение. Цзян Се ловил себя на том, что невольно отбивает ногой ритм. Глупо отрицать очевидное — песня была действительно хороша.

И все же из-за чужого языка и отсутствия глубины этот трек не вызывал в нем того трепета, который он испытывал при прослушивании «Погони».

В этот момент сидевший позади пожилой исполнитель тихо фыркнул:

— Под фанеру поют. Убожество.

Цзян Се вспомнил слащавые интервью этого бой-бэнда о том, как усердно они репетируют и уважают публику. Возможно, на родине они и выкладывались на сто процентов, но здесь, перед китайским зрителем, даже поленились включить живые микрофоны на столь престижной премии.

Песня «Полёт» претендовала на несколько наград. Но если судить профессионально, «Погоня» обходила ее по всем статьям. Собственная работа Цзян Се заметно уступала обоим лидерам, так что он давно смирился с ролью массовки. Проиграть синглу такого уровня, как у Юань Шана, было совсем не стыдно.

Сунь Ханцин листал брошюру со списком номинантов, оценивая шансы соперников, а затем показал Юань Шану экран телефона с результатами онлайн-голосования:

— Гляди, вы с этим их «Полётом» идете ноздря в ноздю. У тебя отрыв всего в тысячу голосов, но разница в качестве очевидна даже глухому. Остальные отстали на световые годы.

Он зашептал другу на ухо, требуя повторить благодарственную речь. В это время ведущие на сцене как раз подошли к номинации «Лучший сингл года». Юань Шан объективно оценивал свои шансы: победа была практически у него в кармане. Оставалось лишь дожидаться официального объявления.

— И победителем в номинации «Лучший сингл года» становится... — ведущий выдержал мхатовскую паузу, заставив зал затаить дыхание, и наконец выкрикнул: — Поздравляем группу RNB!

В зале повисла мертвая тишина.

Оглушительная дробь барабанов смолкла, но никто так и не зааплодировал. Улыбка ведущего на секунду превратилась в испуганную гримасу, и он поспешно затараторил, пытаясь спасти положение:

— А также мы приглашаем на сцену лауреата в номинации «Лучший аранжировщик» — Юань Шана! Просим обоих победителей подняться для награждения!

Луч прожектора заметался по рядам и замер над креслом Юань Шана. Сотни глаз с сочувствием и горечью уставились на него. Для отечественных музыкантов этот вердикт прозвучал как приговор всей индустрии.

Юань Шан медленно поднялся со своего места. На его лице больше не было улыбки.

Сидевший в VIP-ложе Цинь Хо физически почувствовал, как волна ледяного гнева исходит от юноши. Сердце председателя пропустило удар. Он резко повернулся к помощнику Му:

— Что за бред здесь происходит?

<http://bllate.org/book/20476/2181470>